

МАРИНА МОСКВИНА

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

Семь
Летучих
Пассажиров

Марина Львовна Москвина
Семь летучих пассажиров
Серия «#школьноприкольно»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69894094

Семь летучих пассажиров: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-156399-8

Аннотация

В книгу вошли истории про Лену Шишкину, москвичку 12 лет. Школа, каникулы в деревне и на море, театральный кружок – везде случаются смешные или опасные недоразумения, которые кажутся героине бедами и неприятностями. А на самом деле это и есть самое счастливое, и незабываемое детство.

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Голова профессора Шишкина	6
Он был такой воздушный	23
Пирамида	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марина Москвина

Семь летучих пассажиров

Рисунки М. Спеховой

© Москвина М. Л., 2023

© Спехова М. Е., ил., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Голова профессора Шишкина

Нет на свете, скажу вам, человека серьезнее моего папы. Даже среди родственников по его линии. Хотя в нашем роду люди наисерьёзнейшие, кроме дедушкиного брата – дядя Вани из Витебска. Этот наш дядя Ваня, во-первых, единственный блондин. А во-вторых, он всегда был с причудами и любил надевать на голову капроновый чулок.

В этом смысле у папы с нашим дядей Ваней – ничего общего. Папе не то что в зрелом возрасте, в детстве такое бы в голову не пришло. Достаточно взглянуть на его детскую фотографию: стоит на стуле, в коротеньких штанах, майке, пухленький такой, а лицо – настоящего взрослого человека.

Раз только в день своего совершеннолетия папа поступил легкомысленно. Он упросил старушку – соседку по их

коммунальной квартире – сделать ему брюки-клёш. В новой тельняшке и в таких вот брюках с клиньями из другого материала папа куда-то ушёл и на свой день рождения не явился.

Напрасно ожидали папу бабушка, дедушка и друг дедушки Кошкин, который, зная, что папу беспокоят исключительно судьбы стран и народов, принёс ему в подарок трёхтомник Карла Маркса.

– К тебе гости пришли! – кричал потом дедушка на папу. – Книжки подарили!..

С этого момента папа до того сосредоточился на общественных науках, что во всё остальное просто не вникал. Спросишь у него:

– Пап! Это что за дерево?

– Не клён.

– Да это ж бузина, – говоришь ему. – Разве ты не знаешь?!

А он не знает и обижается.

Когда мне исполнилось двенадцать лет и мы с папой поехали на море, я так решила: папу не обижать, наоборот, если что – защищать, ведь он у меня такой ранимый.

И вот мы на море! И я кормлю чаек вместо зарядки. А море – гладкое, как бритва, с острым горизонтом. Ни волн, ни ветров, одни чайки рано утром шумят на берегу.

Но в основном тут штормит, не зря гранитный мол защищает от моря город. И не всегда волнорезы тёплые и сухие. И ящерицы так бесстрашно замирают на солнышке у самой воды.

Мы сняли комнату на краю города. За нами росли гигантские эвкалипты, чайные кусты и пальмы с узким основанием и таким расширенным кверху стволом, что напоминали морковку.

К морю от нас идти вдоль чугунной ограды санатория «Прибой». Эту ограду, не переставая, всё лето красили два аджарца в пилютках из газет. Чинно сидя на стремянках, они покуривали папиросы, болтали ногами в скособоченных башмаках и вели неторопливую беседу на своём языке.

Всё вокруг они заляпали и забрызгали, но мне нравится стоять возле них и нюхать, как пахнет краской. Я вообще бы пошла учиться на маляра. Там ученики – так написано в объявлении – «обеспечиваются парадной формой»! А?! ПАРАДНАЯ ФОРМА МАЛЯРА?! А крутящиеся на палках щитки – под названием халява?! Малярный каток с узорами! Вёдра красок!.. А полёты в люльке?!

Но папа против.

– Мой тебе совет, – говорит, – шагай по стопам своего отца. А то будешь безалаберной, как наш дядя Ваня: родился в Гомеле, учился в Житомире, живёт в Витебске, семьдесят лет человеку – ничего в жизни не понимает.

Не знаю, с дядей Ваней у меня было не так уж много встреч, но я его без памяти любила. И именно за то, что дядя Ваня никогда не шагал ни по чьим стопам. В любом деле – чем бы оно потом ни кончалось, дядя Ваня прокладывал собственный необыкновенный путь. И притом – можно го-

ворить с ним о всякой всячине: всё он прекрасно понимает – и в жизни, везде!

Уйдя на пенсию, дядя Ваня научился играть на гитаре. Он поставил задачу – осваивать в год ровно по одному аккорду. Спустя три года дядя Ваня свободно себе аккомпанировал и сделался признанным в Витебске самодеятельным шансо-нье.

А его коронный номер – голова в чулке?! Никогда не видела ничего чудеснее. И, по правде говоря, мне жалко, что папа, почти прямой дядин Ванин потомок, ничем на него не похож.

Ну и что, я на папу не жалуясь. Он ведь не виноват, что родился серьёзным. Бежит папа утром по улице трусцой, в одних только плавках! А с каким солидным видом! Два аджарца-маляра приподнимают газетные пилотки и почти-тельно приветствуют его:

– Доброе утро!..

– Здравствуйте, товарищи, – отвечает им папа и скорей, пока жители города не повысыпали из домов, мчится дальше, на море – в этих своих, как я уже говорила, плавках.

Раз в сто лет попадают такие плавки – с пожеланием! Прямо на трусах мелкими буквами написано: «Счастливой вам носки!»

– До чего доброжелательный народ, – сказал папа, приобретая их в пляжном киоске.

И лето, правда, вышло счастливое. На каждом углу продавали кукурузу!.. Земляные орешки, спелые абрикосы!.. Я с ластами плавала, в маске и с трубкой!.. Я обгорела!.. А папа – ничего. Это потому, что он смуглый.

Я заметила: чем человек чернее, тем он, как правило, упорнее загорает. Рядом, например, со мной и папой загорали двое негров. Муж и жена, из Африки приехали отдыхать. Целыми днями они лежали на лежаках – им даже врач из медпункта сделал в мегафон замечание.

Всё шло прекрасно. Откуда нам было знать, что наша с папой беззаботность висит на волоске.

Однажды к хозяину, у которого мы жили, дяде Георгию,

пришёл его друг, культорг из санатория «Прибой». В маленькой, увитой «граммофончиками» беседке за чашкой виноградного сока дядя Георгий открыл другу, что его квартирант по профессии лектор.

Тогда культорг – внушительная фигура, весь в зелёном, один пиджак в лиловых листьях пальм, возник в наших с папой дверях и сказал:

– Валерий Борисович! Попрошу! Прочтите лекцию у нас в «Прибое»!

Назавтра, ближе к вечеру, по городу и по побережью расклеили афиши. В программе обещали:

Доклад «Значение изучения истории для наших дней». Читает В. Б. Шишкин, профессор из Москвы.

Потом шли глаза. Чёрные, жуковые, размером с камбалу. И подпись! «Маг исчезновений! Артист-иллюзионист! Фокусник-манипулятор-имитатор-престижитатор Олег Зингер, г. Ялта».

Папа чуть в обморок не упал, когда это увидел. Мы кинулись в «Прибой» и разыскали там культорга.

– Я не профессор, – говорит мой папа. – Я кандидат исторических наук.

Весь в белом, один фиолетовый циферблат на часах, культорг ободряюще обнял папу.

– На не профессора, – сказал он, – у нас не пойдут.

– Но послушайте, – говорит ему папа. – К чему мне дутая репутация?! Я учёный! – Получалось, что папа самозванец. –

Это шарлатанство.

– Это реклама, – спокойно возразил культторг. – Моё дело – аншлаг! Ну напиши я: «Шишкин-кандидат». Все явятся ко второму отделению. Сравните: лекция, – он сделал скучное лицо и будто бы уставил нос в шпаргалку, – или... МАГ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ?!!

Я знаю папу. Надо очень постараться, чтобы вывести его из себя. Но, видно, здорово его заело, раз он сказал:

– Выходит, искусство оратора здесь ставят ниже... фокусов-покусов?!

Я была тут же, рядом, и меня обуревали противоречивые чувства. Папу обижают, а я не знаю, как его защитить. С одной стороны, как можно сравнивать?! Фокусника и учёного!..

С другой стороны, всю жизнь я сходила с ума по клоунам, фокусникам, канатоходцам, по всему в этом духе, а главное, по цирковым лошадям. Папа, конечно, против, но я бы хотела, больше, чем маляром, стать конюхом в цирке, ухаживать за лошадьми, вести с ними вместе скитальческую жизнь!..

И хоть я и переживала за папу, предательская мысль шевелилась во мне: «А правда! Какой доклад сможет быть соперником МАГУ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ?!»

– Так-так, – сказал папа, глядя на меня, будто бы прочёл мою мысль на расстоянии. – Хорошо! Это мы ещё посмотрим.

В окне над морем вспыхнули и скрестились лучи прожек-

торов, сияющие, как рапиры.

Вот как произошло, что мой папа погрузился в размышления. Он вообще-то молчаливый, а тут и вовсе прекратил говорить. Наутро малярам, своим друзьям-аджарцам, забыл ответить на приветствие.

Он стал рассеянным, нашёл на пляже рыбу и бросил в море, говорит: «Плыви!» А это был копчёный толстолобик.

И что он раньше делал с удовольствием – читал, намазывал бутерброды, лежал на солнце, поднимался в горы, – теперь производилось как-то механически. Брился ли он, кипятил ли на кухне чайник, слонялся в одиночестве или в компании со мной – везде и всюду мог вынуть из кармана

клочок бумаги и что-то быстренько взять и записать.

За день до выступления я обнаружила папу в эвкалиптовой аллее. Был сильный туман. В море, чтоб не налететь друг на друга, гудели корабли. Сквозь это гуденье до меня доносилось: «...принципы историзма!..», «...промежуточные звенья!..», «логика развития!..», «социальный прогресс...»

Он репетировал речь, обращаясь к эвкалиптам.

В обед перед «вечером» папа съел банку горошка. Одну, чтобы не наедаться.

– Сытый оратор, – объяснил папа, – вял и невыразителен.

Потом он сказал:

– Надо накопить в себе резерв энергии.

И часок вздремнул. И мы с ним пошли.

Клуб был полон. Публика, шумно топоча босоножками, рассаживалась в красные клеёнчатые кресла. В толпе с отдыхающими «Прибоя» входили знакомые – хозяин дядя Георгий, врач, пляжные волейболисты, сапожник, булочник, продавец кукурузы, в парадной форме маляры, их жёны, сыновья...

Свет потух. Горел один фонарь у сцены. Вокруг него заматалось жуткое подсвеченное существо. Слева на сцене стоял рояль, справа – бок о бок – два огнетушителя, а перед занавесом за столом с графином сидел культорг. Клубный занавес и костюм культорга были сшиты из одного и того же коричневого плюша.

– Валерий Борисович Шишкин! – объявил культорг. – До-

клад!

Папа вышел хмурый, окинул взглядом полутёмный зал и вдруг улыбнулся и говорит:

– А давайте включим свет?

Культорг неохотно исчез распорядиться, а папа тем временем убрал стол с графином. А стул культурга пододвинул к роялю.

Тот вернулся и так растерялся, сел, было, за рояль, все засмеялись, и он обиженно оставил сцену.

И вот, когда в зале зажгли все лампы и папа на сцене остался один, он начал свою речь с Парижской коммуны. Как стихи прочитал он (конечно, не по бумажке!) программу французских революционеров.

Голос папы то возвышался, то понижался. Несколько слов он произносил быстро, а когда подходил к самому важному – замедлял свою речь и сильно на это напирал.

– Париж был осаждён, – рассказывал папа. – Но обращения парижских коммунаров сбрасывались над Францией с воздушных шаров!..

Он говорил то приподнято, с вдохновением, то нормально, как со мной. Иногда посреди речи он вдруг останавливался. Но в эти внезапные остановки никто не кашлял, не шаркал ногами, не переговаривался с соседом. Все тихо сидели, как эвкалипты, и ждали, что будет дальше.

От Парижской коммуны папа перешёл к нашим дням.

Многие из отдыхающих брали доклад на карандаш. Ка-

кой-то художник углём в альбоме делал наброски папиного портрета.

Дядя Георгий в голос окликал знакомых и жестами показывал, что папа – его постоялец. Один человек спал. Но лицо его во сне было просветлённым.

Благодаря моему папе все чувствовали себя поумневшими, приобщёнными к глобальным проблемам! И когда зрители ещё хотели, чтобы речь продолжалась, папа её, как мне кажется, с блеском завершил.

Он был неотразим. Это видели все и понятия не имели, что папа в тот вечер не просто выступал. Он бросал вызов. Не культоргу! Не ялтинскому фокуснику! А вообще всяким «фокусам-покусам». И ещё, может быть, тому, что я, его единственная дочь, хоть и очень люблю его, как отца, – всю шагаю по стопам дяди Вани из Витебска.

Но не успел он – непобедимо – скрыться из виду, как по знаку вновь возникшего культорга в радиорубке запустили рок-н-ролл.

– «Ага!» «Ого!»... – зажигательно выкрикивали певцы из динамиков.

Произошла какая-то заминка.

По краю сцены, состроив угрожающую гримасу, дико жестикулируя, промчался культорг.

И наконец появился фокусник!

У него был чуб – напوماженный – махагонного цвета!.. Бордово-фиолетовый смокинг! Белая рубашка! Лазоревая

«бабочка» и в тон «бабочке» – хризантема!

Он катил на колёсиках совершенно пустой стол на четырёх ножках, покрытый скатертью с короткой бахромой.

– Добрый вечер! – крикнул фокусник. – Будьте внимательны! Чем внимательней смотришь – тем меньше понимаешь!..

По мановению его руки скатерть на столе начала вздыматься, и фокусник из-под неё вытащил большой раскрытый зонт.

Зонт он сложил и закрутил в бумагу.

– Это я знаю! – шепнул наш хозяин дядя Георгий.

– Н-нужная вещь! – восклицал фокусник, чуточку заикаясь: – Д-дорогая!.. Но всё, что нам д-дорого!.. – он пританцовывал, поддёргивал рукава смокинга, дул на свой свёрток. – Можно – хоп! – он разорвал бумагу, – и п-потерять!..

Зонта в бумаге не было.

– Ты смотри, ловкач! – тихо шумели приборевцы.

– ...Откуда ТАМ взялся зонг?!

– Лучше скажите, куда он мог подеваться.

– Да этот зонтик, он у него в штанах, – терпеливо объяснял всем дядя Георгий. – Обыкновенные хитро пошитые трюковые брюки!

...Так было здорово, жалко, что папа не возвращался. А мы ему с дядей Георгием заняли место. Договорились ведь, что придёт...

– Ап! – жонглировал фокусник появившимися на его волшебном столе зажжённой сигарой, тросточкой и цилиндром. Один за другим они в воздухе испарялись.

Он всё терял, даже настоящую курицу! И всё исчезало в его руках! А под скатертью в который раз образовалось какое-то вздутие.

– Ф-фокус – хокус!!! – объявил иллюзионист и... сдёрнул покрывало.

На столе у фокусника в капроновом чулке стояла и с отрёшенностью смотрела на зрителей... голова моего папы.

Я сразу его узнала, потому что, надев чулок, он стал вылитый дядя Ваня.

– Папа, – говорю я.

– Да, как ни странно! – говорит дядя Георгий.

Голова вращала глазами, подмаргивала и улыбалась.

– Ап! – сказал фокусник и накрыл её скатертью. – Симсалабим абракадабра! – сказал он, и стол опустел. Я встала.

Дядя Георгий схватил меня за куртку.

– Не бойся, – шепчет. – С ним ничего! Он, скрючившись, сидит под столом.

– Но под столом-то его нет! – говорю я.

А дядя Георгий:

– Там он, в мешке, прозрачный!..

– Мира и счастья вам, дорогие друзья! – сказал фокусник, подхватил свой стол и, изобразив звук уходящего поезда, уехал за кулисы.

Бешеные аплодисменты потрясли клуб санатория «Прибой». Но выходил ли на поклон фокусник – я не знаю. Клубным двором, вверх по лестнице без перил, длинным коридором мимо захлопнутых и распахнутых дверей, я бежала искать папу.

Конечно, я понимала, фокус есть фокус. Но как-то неприятно вертелось в уме это фокусниково: «...всё, что нам дорого!.. можно – хоп! – и потерять!» Нет, я понимаю, имелся в виду зонт. Сигара, курица!.. Не папа же в самом деле! И всё-таки сию минуту мне надо было увидеть его – ЦЕЛИКОМ!

Подбегаю к «артистической», а из-за двери:

– Кр-рах!

– Бац!

– Кр-рум! – какие-то страшные удары.

Мне стало совсем не по себе. Толкаю дверь и вижу: в тесной комнате, заставленной ширмами, ящиками, клетками с курицей и голубьями, сидят и большими бульжниками колот

и поедают грецкие орехи мой папа, фокусник и культорг.

– Я вам всю музыку испортил, – говорил папа. – Не выдержал. Исчез раньше времени!..

– Что вы, Валерий Борисович! – успокаивал папу фокусник, выбирая орешек из скорлупы. – Вы ассистировали, как зверь. С лёту, без репетиций! Вот бы мне с кем поработать на пару!..

– Обоих, обоих благодарю! – бормотал культорг. – Лекция! Иллюзион! Аншлаг! Бесподобно!.. – и приглашал папу с фокусником в ресторан.

А фокусник приглашал в гости в Ялту!..

А папа – к нам домой!..

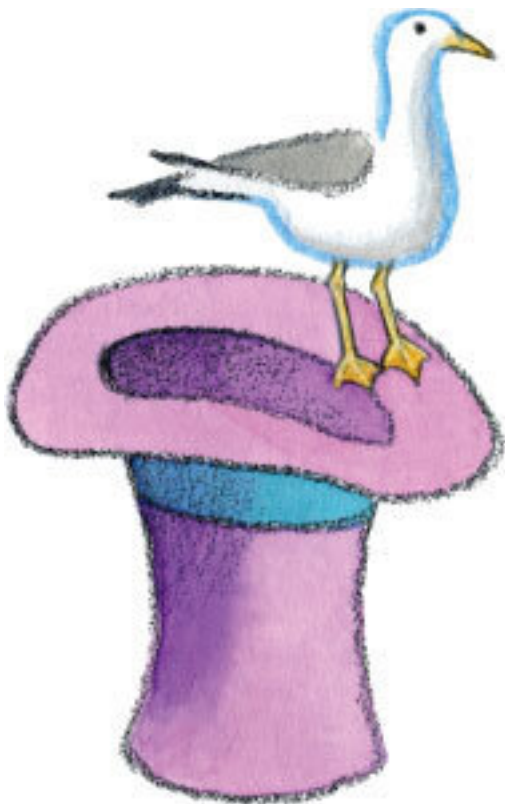
А фокусник рассказывал, что когда он приехал первый раз в Москву, его поразило обилие ворон, и что не сосна, а ёлка на Новый год!..

Поздно вечером я и папа шли к себе по берегу на край города. Над горизонтом после заката осталась белая полоса, от этого он казался приподнятым, как настроение у нас с папой.

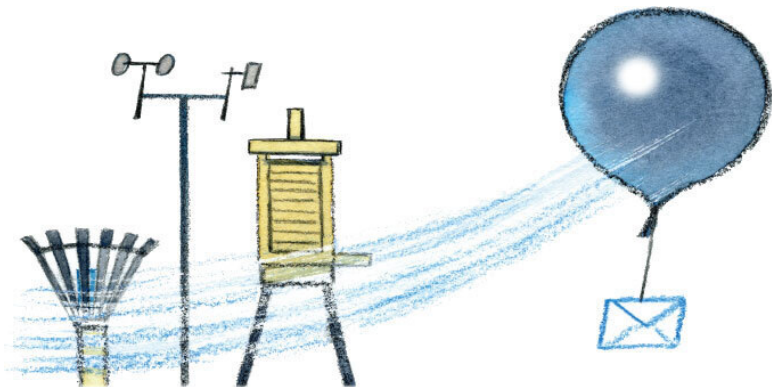
– Он говорит: «Валерий Борисович! Спасите! Мой ассистент уехал по ошибке в Батуми!» А я ему: «Вы соображаете? Я только что... серьёзную лекцию!..» Стали сажать туда культорга, а он, представляешь? Не помещается! Я говорю: «Давайте мне маску!» А он мне: «Где же я её возьму? Мой ассистент работал в натуре». И тут я вспомнил: дяди-Ванин чулок! Думаю – была не была, в чулке никто ничего не заподозрит!..

Папа рассказывал, улыбался, взмахивал руками и не замечал, что давно уже шлёпает в ботинках по морю.

И мне так приятно было шагать по его следам.

Он был такой воздушный

На уроке географии нам объясняли погоду. Ну и географ Борис Матвеевич спрашивает:

– Кто знает, с помощью чего определяется высота облаков и сила ветра? Я говорю:

– С помощью шара-пилота!

– Молодец, Шишкина! – говорит Борис Матвеевич. – А кстати, откуда тебе известно?

Я говорю:

– Мне сказал мамин друг Тит Акимыч. Он полярник. Дрейфует на льдине и запускает шары.

Наши зашевелились.

– Из Арктики? Или Антарктиды? – спрашивает Борис

Матвеевич.

– Северный полюс! – говорю я.

– Арктика! «Кухня погоды»! – воскликнул Борис Матвеевич. – Вот бы такого человека позвать к нам на урок.

– Нет, – говорю. – Тит Акимыч был в отпуске и жил у нас дома. А теперь улетел. В Карское море на остров Большевик.

И тут Прохорова со второй парты говорит:

– Ну и врать здорова! Никакой у них полярник не жил!

Наши зашумели.

– Что вы, Шишкину не знаете? – сказала Прохорова. – Она всю жизнь врёт.

Он ЖИЛ у нас, ЖИЛ! Он ПРАВДА прилетал с островов Северной Земли! Мы к его приезду готовились целый день! Мама испекла пирог с яблоками. Бабушка шашлыки готовила, а меня послали за арбузом. Возвращаюсь – Тит Акимыч приехал.

На вешалке меховая куртка, а у двери унты с рюкзаком. А как он обрадовался, когда увидел арбуз!

– Шесть лет, – говорит, – арбуза не едал!

Мы тогда Титу Акимычу весь арбуз отдали. Он его ложкой ел. Загорелый такой, бородатый, и рубашка у него в розовую капусту. Мама ещё сказала:

– Тит чем-то похож на Фритьофа Нансена.

Хотя нос у Тита Акимыча гораздо толще, чем у Нансена. Но ведь дело не в носе!

Главное, что Тит Акимыч изборозил на льдинах весь Ледовитый океан. А как он привёз торосы!

– Торосы-то мои, – говорит, – не прокисли? Принеси, Лен. В правом кармане на вешалке.

В кармане?! Торосы?! Да это же ледяные глыбы! Смотрю – из Тит-Акимычевой куртки торчит бутылка с наклейкой:

«Торосы Карского моря». А в этой бутылке растаявшие глыбы – голубая вода. Я вытащила пробку и отхлебнула торосов. На вкус они тёплые, чуточку солоноватые. Даже как

вспомню – сразу во рту торосный привкус...

Я пришла из школы и написала письмо. На Север. На дрейфующую полярную станцию «СП-23»! Я написала:

«Тит Акимыч! Рассказала про вас в классе. А Прохорова сказала, что я вру. Если б вы забыли торосы в морозилке! Если б не отдали их в институт! Я бы отнесла эту бутылку в школу! И доказала бы этой Прохоровой! Им всем бы! А что теперь? С приветом – Лена Шишкина».

Ответа я начала ждать с завтрашнего дня. Понятно, конечно, далеко! Пурга! Бураны! Ледовитый океан! Но кто-кто, а Тит Акимыч должен был ответить! И он ответил. Он прислал бандероль – чёрный ненадутый шар-пилот. И три записки:

«Лена, торос в бутылке – не доказательство. Прохорова скажет, что это вода из-под крана. Другое дело – шар-пилот.

Доедешь до метро «Тушинская» и две остановки автобусом. На метеостанции аэродрома шар надуют водородом. Запустите всем классом. Привет маме, папе, бабушке – Тит Акимыч».

Вторая записка – «Метеорологу Тушинского аэродрома»:

«Уважаемый коллега! Наша честь в ваших руках. Надуйте шар! Надо позарез. Заранее благодарен – метеоролог полярной станции «СП-23» Тит Шурупов».

Третья записка – Прохоровой.

Тушинский аэродром был обнесён дощатым забором. В брезентовых масках стояли за забором вертолётчики. На тол-

стые дырявые лопухи сыпались коричневые листья. Они хрупали под ногами, как сухая картошка в пакетике.

Войдя в ворота, я очутилась перед розовым домом. На нём другой дом, круглый, с полосатым колпаком и вертушкой.

В комнате метеорологов на деревянной лесенке стояла женщина в вязаном платке. Через увеличительное стекло она разглядывала барометр:

– Девятьсот восемьдесят четыре и две десятых миллибара...

Зазвонил телефон.

– Да? Это Маргарита! Парашютистам никаких прыжков. Мы дали штормовой ветер.

Метеоролог Маргарита положила трубку и обернулась. Я протянула ей записку.

Вместе с Маргаритой мы поднялись к серебряной изгороди. Проволоки, столбы, теодолит, будка с градусниками, железные кубы под замком – всё было серебряного цвета.

– Смотри, – Маргарита показала на верхушку флюгера. – Верхнюю флюгарку сбила, а теперь сидит.

С раскучренного флюгера на нас глядела ворона. Над ней целиком и ключьями проносились тучи. Солнце то появлялось, то исчезало. На доме ошалело крутилась вертушка. Будто бы «кухня погоды» не Арктика, а Тушино!

– Сюда, – сказала Маргарита, и я спустилась за ней в каменный колодец.

Внизу было водородохранилище с травой на крыше, листьями и астрами. Холодные и зелёные, толпились в хранилище баллоны. И тут что-то зашипело! От этого шипения у меня сразу заложило правое ухо. В руках у Маргариты раздувался чёрный полярный шар. Он рос дулей, с одного боку! Разбух на всё водородохранилище! Он вытолкнул меня в дверь. И уже сквозь шар я видела, как Маргарита сняла его со шланга и сказала:

– Бери верёвку! Завязывай «аппендикс».

Голос Маргариты был как из трубы.

– Держи, – сказала Маргарита и отдала мне шар.

Ух, как он рванул вверх! Я еле успела зажать в кулаке верёвку. А как он пах! Это же с ума сойти, как он прекрасно пах резиной!

Я снова очутилась на холме. Выглянуло солнце. И я увидела, что шар не только чёрный и прозрачный. В нём отражалось всё, как в самоваре! В нём отразился аэродром! Жёлтые планёры с крыльями в красную полоску, ангар, прожекторы, пожарная машина, зелёные хвосты вертолётов!..

По взлётной полосе мчался грузовик с кузовом в чёрно-белую клетку. Отражённый шаром, он взлетел над полосой и пропал среди птиц.

Шар стучался об меня, в голове звенело! Он крутился, как облитый чернилами глобус! Из верхнего полюса расходились и сходились в «аппендиксе» чёрные меридианы.

Был час пик. Шар-пилот я везла домой в метро. Он уткнулся в потолок битком набитого вагона. Под землёй шар вёл себя тихо. Он отражал поднятые к нему лица.

– Чегой-то?..

– На нём можно улететь?

– А! Это камеру надули! Камеру от футбольного мяча!

– Какой воздушный!

– Фу! Вонючий!

– Это ещё что! Одни сиамского кота в метро перевозили!

– А почему он такой ЧЁРНЫЙ?!

– Оболочка с водородом? – понимающе спросил майор.

– Да, – говорю.

– Садитесь! – Он встал и уступил мне место.

До завтра я решила устроить шар на балконе. Бабушка спустила конец бельевой верёвки, я привязала шар.

Вж-ш-ш – он взмыл! Мимо бабушки – на третий этаж.

– О-о-о!!! – закричал кто-то.

Это был дядя Миша Айзберг с третьего этажа. Он как раз собирался с балкона тряхнуть половиком.

Поздно вечером шар стал похож на ёлочный. В нём зажигались фонари и гасли окна соседних домов. Мне снилось, будто я с шаром дрейфую на льдине. А мимо проплывает дядя Миша Айзберг.

«Лен! – кричит. – Почём арбуз брала?»

Смотрю – над моей головой громадный арбуз на верёвке.

Утром несу шар в школу. Я иду медленно, чтоб заявиться после звонка. Все ахнут. Прохорова лопнет. А я... выпущу шар из окна.

По лестнице и по коридору шествую в кабинет географии.

– Внимание-внимание! – Я быстро распахиваю дверь. –

Сейчас вы увидите один сюрприз!

– Ну-ка, ну-ка, – раздаётся голос Бориса Матвеевича.

Сжимаю шар с боков и коленкой пихаю его в дверной проём. За шаром – тишина. Только он сам скрипит, когда я его подпихиваю. Он почти что втискивается в класс.

– Маэстро, туш! – вопит кто-то по ту сторону шара.

– Ур-ра!! – заорали наши.

Правым боком шар дотрагивается до шкафа у двери...

Б-бах! – грохнуло на всю школу!

...Воздушный! Заполярный! Летел-летел! Ко мне! Из Ледовитого океана!.. Аэродром! Маргарита! Флюгер без флюгарки... Штормовой ветер!..

Осталось только облако талька и длинная резина с верёвкой. Она висит на гвозде. Гвоздь торчит остриём из шкафа.

– Шар-пилот! Это был настоящий шар-пилот! – сказал Борис Матвеевич.

– А может, его можно склеить? – спросила Щёголева.

– Конец пузырю, – сказал Тарабукин.

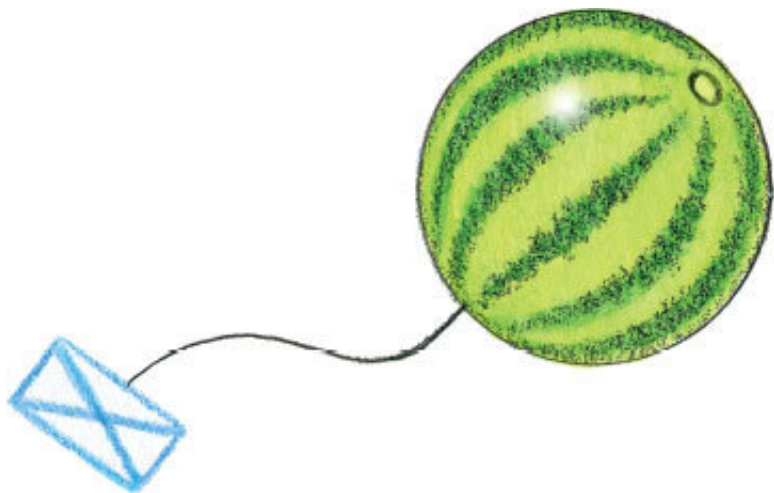
Я подхожу и даю Прохоровой записку. Она читает вслух:

– «Прохорова! Я ЕСТЬ! Со льдины в небо я запускаю шары-пилоты. Такие же, какой запустите сейчас вы.

Друг Шишкиной, метеоролог Заполярья – Тит Акимыч Шурупов».

– Что вы, Шишкину не знаете, – говорит Прохорова. – Сказать ничего нельзя. Всё на полюс сообщает.

Она свернула записку и спрятала её в портфель.

Пирамида

Вообще-то я никогда не мечтала играть в духовом оркестре. Наоборот! С самого первого класса я хотела танцевать с лентой. Как представлю: я скачу по ковру! За мной – лента, вся красная! Музыка! Зрители!.. В первом ряду мама с папой. А на тренерском месте – Ботинич!

Это наш физрук – Борис Константинович. В глаженном спортивном костюме, в кроссовках, рост – метр восемьдесят три... У нас в школе в него все девчонки влюблены! И все решили стать гимнастками.

Но гимнастическая секция Ботинича – чемпион Москвы, и он туда кого попало не берёт. Меня, например, тоже не

принял. Потому что я из всех гимнасток – самая толстая.

Ботиныч так и сказал:

– Ты мне, Шишкина, всю картину испортишь. Худеть тебе надо. Девушка должна быть как берёзка.

Мне так обидно стало. Хожу по школе, слоняюсь. Даже домой идти не хочется. Слышу, на втором этаже духовой оркестр репетирует.

– Величественней! Ве-ли... кхе-кхе-кхе!.. – закашлялся духовик Евгений Леопольдович. (Ещё бы! Разве их перекричишь?!)

– Напевней, други мои! Шире! Тари-ра-ра-па-ра-ра-ра... валторны!.. Па-рирам!

Я приоткрыла дверь и заглянула в класс.

Евгений Леопольдович стоял ко мне спиной. Вернее, не стоял, а подпрыгивал. Круглый, на макушке лысина.

– Три-ра-ри-ра-пам-ба-рам!!! Барабан! – Евгений Леопольдович так замахал руками! У него даже лысина вспотела. – Внушительней, други мои! Крещендо!!! А теперь... – Он немножко присел, а потом как вскочит, как закричит: – Фортиссимо!!!

Мишка Маслов из шестого «А» – мне его лучше всех видно – щёки надул, уши красные, того гляди – лопнет!..

– Стоп-стоп-стоп... – Евгений Леопольдович постучал дирижёрской палочкой. – Не слышу тарелок! Кузнецов! Где

Кузнецов?!

Все молчат – не знают. Я тогда просунула голову в класс и говорю:

– Кузнецов, ваш тарелочник, в нашем пятом «Б» учился. А позавчера ушёл в другую школу. Они переехали.

– Как же так? – растерялся Евгений Леопольдович. – У нас на носу – ответственное выступление. В финале без тарелок... Нет! Это невозможно!

И тут он подошёл ко мне.

– Девочка! – сказал Евгений Леопольдович. – Хочешь, я научу тебя играть на тарелках?

Я вспомнила Ботиныча. «А, – думаю, – теперь всё равно. Хоть на кастрюлях».

Ответственное выступление во Дворце творчества назначили на вторник. Правда, это будет «соревнование по гимнастике среди юниоров». Мы только и сыграем – в начале марш, а в конце туш для победителей, но Евгений Леопольдович всё равно очень волновался.

И я волновалась.

Для меня сейчас успех – всё! Как представлю: я на сцене с тарелками! Тарелки блестят! Я стучу! Заключительный удар марша – бум-м!!! Аплодисменты! Может, кто-нибудь из публики крикнет: «Браво, Шишкина!»...

А Ботиныч уже за кулисами! И ко мне – через весь оркестр.

«Прости, – скажет, – Шишкина. Я же не знал, что ты у нас

– талант! А раз такое дело, приходи на тренировку и танцуй себе на здоровье с лентой!»

В общем, еле дождалась я этого вторника. И вот после уроков в парадной форме, с начищенными трубами мы прибыли на концерт.

Евгений Леопольдович в военном кителе. На груди – орден и медаль «За отвагу!» Мы его таким ещё никогда не видели. Он выстроил нас на сцене и сказал:

– Ну, други мои! Не подкачайте!

Занавес открылся. Евгений Леопольдович махнул мне дирижёрской палочкой, и я ударила в тарелки!

Играли мы громко и здорово. Точно как в «Айвенго», когда музыканты созывают рыцарей на турнир! Евгений Леопольдович даже жмурился от удовольствия. А я, хоть оркестрантам нужно всё время смотреть на дирижёра, стала коситься в зал – нашла маму с папой, дедушку, двоюродного брата Лёшку и давай им подмаргивать, чтобы не подумали, что я какой-нибудь, как говорит папа, «Фома, не помнящий родства». До того доподмаргивалась – чуть свой заключительный удар не прозевала.

Ну, нам хлопали! Минут пять, не меньше.

– Триумфально! Три-ум-фаль-но! – бормотал Евгений Леопольдович и по очереди нас обнимал.

...А за кулисами – через весь оркестр – ко мне шёл Ботинич.

– Шишкина, – быстро зашептал Ботинич. – Выручай!

Мы первые! А Давыдова из пирамиды заболела. И заменить нечем. Будешь в основании? Есть?

– Есть! А вдруг не смогу?

– Да там не трудно! По команде «стройсь!» – застынь, как бетон. Пока не скажу: «рассыпсь!» – умри, но стой! Выстоишь, так и быть, запишу в секцию. Идёт?

– Конечно, идёт!

Уж сейчас-то я окончательно докажу Ботинычу, какой я для его секции незаменимый человек.

Сама не помню, как напялила костюм длинной, тощей Давыдовой, влезла в огромные белые тапочки и с другими гимнастками строем (я – последняя) вышла на сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.